

Действительно, нестабильная фигура на шахматной доске, будь то для Цзинь Ян или Цзян Байси, была невыносима из-за возможных внезапных перемен, которые она могла принести. Поэтому лучше уничтожить её, чем позволить ей остаться.

Едва произнеся это, она вздохнула, взмахнула рукавом, смахнув со стола уже подписанные секретные письма, которые вылетели за пределы кареты, и, закрыв глаза, прислонилась к стенке:

— Передай их дальше.

Цзинь Жань приподняла занавеску и посмотрела наружу, заметив, что дорога, по которой они ехали, уже была покрыта серебристым снегом. Лань Гэ по-прежнему спокойно управлял каретой, и, видимо, именно другой тайный страж, следовавший за ними, принял секретное письмо от Цзян Байси.

Чжансунь Циму, увидев, что Цзинь Жань долго смотрит наружу, отложила кисть и также передала секретный меморандум, произнеся холодным голосом:

— Чёрные должны быть разсланы до завтрашнего дня, остальные обработайте как обычно.

Снаружи также было тихо. Закончив говорить, Чжансунь Циму взяла руку Цзинь Жань, опустила занавеску и, притянув её, обняла, слегка прикоснувшись щекой к её щеке, словно слегка недовольная, тихо вздохнула:

— Лицо совсем замёрзло.

Цзинь Жань закрыла глаза, наслаждаясь её мягкой нежностью, и уже собиралась заговорить, как Цзян Байси, закатив глаза, выпрыгнула из кареты, холодно бросив:

— Хоть бы вы считались с глазами Его Высочества! Начнёте шептаться, когда доберётесь до постели.

Раз уж неприятный человек уже вышел из кареты, Цзинь Жань слегка наклонила шею Чжансунь Циму, пальцами нежно погладив её тонкие губы, и приблизилась к ним. Весь день она только обнимала её, чтобы не раздражать эту девчонку. Если бы не это, она бы постоянно была рядом с ней, как сейчас, когда ей так не хватало её изысканного аромата снежного лотоса, и она больше не могла и не хотела сдерживаться.

Чжансунь Циму мягко улыбнулась, поддерживая её шею, позволяя ей приближаться и прикасаться. Они провели в карете почти полчаса, прежде чем привели в порядок одежду и волосы и вошли в усадьбу.

С другой стороны, Цзян Байси уже сидела в комнате, лениво глядя на лист бумаги на столе, и, подумав, громко крикнула:

— Принесите мне бумагу и чернила!

Этот голос был наполнен мощной внутренней силой, и Лань Гэ поспешил остановить охотника, который хотел ворваться внутрь, взял бумагу и чернила и подал их.

Цзян Байси кивнула на стол, и Лань Гэ понял, что нужно, положил бумагу и чернила перед ней, а затем убрал жёсткую бумагу с серебряными узорами, лежавшую перед Цзян Байси.

Лист бумаги, с обеих сторон украшенный нежно-розовыми лепестками цветов, которые были уникальны для Ганцю и цвели круглый год. Всё письмо состояло всего из двух с половиной строк, но почерк был аккуратным и чётким, с короткой подписью в конце.

— Мо Гэ.

Цзян Байси не давала никаких дополнительных указаний, положив ноги на другую скамейку и кивая головой перед письмом.

Лань Гэ стоял рядом, глаза его следовали за движениями головы Цзян Байси, и, наконец, он сдался:

— Ваше Высочество, если вы не взяли Мо Гэ с собой, то хотя бы ответьте на это письмо с вопросами о здоровье?

Он с шести лет был рядом с Цзян Байси, но теперь всё меньше понимал её действия. Автор письма, Мо Гэ, была личной лекарем Цзян Байси. Она, примерно того же возраста, что и он, пришла в Восточный дворец Цзян Байси как ученица главы Долины Короля Лекарств и служила ей уже более десяти лет, ежемесячно проводя осмотры и отправляя письма с вопросами о здоровье без единой ошибки. Однако на этот раз Цзян Байси, отправляясь в Цинъюэ, не взяла её с собой.

Цзян Байси бросила на него косой взгляд, недовольно сказав:

— Я не взяла её, и это тебя беспокоит? День разлуки — как три года?

Лань Гэ тут же напрягся, что за чушь!

Цзян Байси фыркнула, взяла кисть и начала быстро рисовать на бумаге, бормоча:

— Я десять лет её содержала, а она за три месяца прислала мне всего одно письмо. Бессердечная неблагодарница!

Лань Гэ заглянул и увидел, что под кистью Цзян Байси быстро появилась — черепаха.

Лань Гэ промолчал.

— Она прислала мне восемнадцать слов, и я отвечаю ей восемнадцатью штрихами!

Несколько движений, и Цзян Байси закончила рисунок, бросила кисть, встряхнула письмо и протянула его Лань Гэ, лениво сказав:

— Передай обратно.

Лань Гэ взял письмо с чётко нарисованной черепахой, не зная, что сказать, думая, что иногда Его Высочество в присутствии близких людей бывает слишком капризным.

Цзян Байси закрыла глаза, лениво откинувшись на спинку стула, с высокомерным видом:

— Она спрашивает о моём здоровье, а черепаха живёт тысячу лет. Всё очевидно: моё здоровье в полном порядке.

Лань Гэ, с растерянным лицом, вышел с письмом, думая, что никогда не видел, чтобы кто-то так сердито описывал себя.

...

Выпустив разрисованного голубя, Лань Гэ снова скрылся.

С другой стороны, только что вошедшие в комнату двое остановились, увидев срочное письмо, которое Чжансунь Циму только что получила из столицы Цинъюэ. На тонкой полоске бумаги неровным почерком была написана короткая строка:

Императрица внезапно исчезла из дворца, её местонахождение неизвестно.

Сегодняшний день был немного мрачным, звук ветра, пробивающегося сквозь деревья, казался особенно пронзительным.

Цзин Жань, прочитав записку в руках Чжансунь Циму, сжала губы, но та лишь слегка остановилась и поднесла её к пламени свечи, превратив в пепел.

— Мянью.

Цзин Жань внезапно шагнула вперёд, обняв Чжансунь Циму сзади, и прижалась к её виску:

— Давай сегодня не пойдём в целебный источник, я хочу пораньше лечь спать.

Не дожидаясь ответа, она положила руку на её ладонь, улыбнувшись:

— Видишь, моя рука теперь теплая? Сегодня ветрено, можно пропустить один день.

Чжансунь Циму, конечно, знала её мысли, взяла её руку и поцеловала, вздохнув:

— На самом деле, я уже ожидала, что мама внезапно покинет дворец Цинъюэ, так что даже если я сейчас вернусь, это ничего не изменит.

Цзин Жань моргнула, предположив:

— Значит, тётя Фэн действительно связана с драгоценной наложницей Ли?

Чжансунь Циму улыбнулась, услышав изменение в обращении, и слегка рассмеялась:

— Я сначала тоже так думала, но когда начала расследовать, обнаружила, что мама просто всегда помнила о человеке из Ули, поэтому драгоценная наложница Ли относилась к ней по-особенному.

Императрица помнила человека из Ули? Цзин Жань нахмурилась, но промолчала, ожидая продолжения.

— Поэтому мама все эти годы казалась безразличной ко всему, относилась к наложницам с добротой и терпением, но на самом деле её это не волновало. У неё также была группа людей, которую она привезла из семьи Фэн, и все эти годы они тайно собирали информацию из дворца Ули. Поэтому я думаю, что её настоящие мысли были о дворце Ули.

Цзин Жань с удивлением погладила ладонь Чжансунь Циму. Дворец Ули? Возможно, императрица на самом деле хотела выйти замуж не за императора Юэ, а за отца Цзинь Ян?

Чжансунь Циму поймала её пальцы, продолжая:

— Кроме того, мама вышла замуж за отца после того, как мать Цзинь Ян вошла в дворец Ули.

Она замолчала, тихо спросив:

— Ты помнишь, как в прошлый раз мы варили вино с мёдом в Дворце Фэнци, и мама избегала встречи с Цзинь Ян?

Цзин Жань кивнула, положив голову на плечо Чжансунь Циму, думая, что с самого начала, с наших отцов, между нами, Чжансунь Циму и Цзинь Ян, была неизбежная связь.

Чжансунь Циму разжала её руку, повернулась и мягко сказала:

— Если ты действительно не хочешь, то сегодня не пойдём в источник, давай сначала поедим.

Цзин Жань послушно кивнула, последовала за Чжансунь Циму из комнаты, и, как раз в этот момент, из соседней комнаты вышла Цзян Байси. Трое сели за стол, Цзян Байси налила три чашки чая и спросила:

— Что случилось с тётёй Фэн, почему она внезапно исчезла?

Всем доброго дня, чмоки! Наконец-то опубликовала эту главу и открыла новых персонажей, эम्म.

<http://bllate.org/book/16717/1537161>